

Линь Цзыхань был человеком чрезвычайно организованным. Он всё подготовил ещё до вылета, поэтому, сойдя с самолёта, сразу же отвёз Чжун Цина в заранее снятую квартиру.

Квартира была не большая и не маленькая — для одного в самый раз, вдвоём, конечно, тесновато, но жить можно.

Чжун Цин был доволен своим жилищем на ближайшие три месяца, но Линь Цзыхань тут же остудил его пыл.

— Поживёшь несколько дней и возвращайся. Зимы здесь холодные.

Чжун Цин, развалившись на диване, включил телевизор и со смехом ответил:

— Раз уж мы сбежали вдвоём, то и возвращаться должны вместе.

Шутки в сторону, Линь Цзыхань сейчас был его спасительной соломинкой.

— Чжун Цин, ты деньги с собой взял?

— Нет, — с абсолютной уверенностью ответил Чжун Цин.

— Значит... ты хочешь, чтобы я тебя содержал? — Линь Цзыхань небрежно оперся о дверной косяк и, опустив взгляд, посмотрел на него. — Чжун Цин, а ты мне кто?

Даже под этим немного пренебрежительным взглядом Чжун Цин продолжал улыбаться. Плотные частицы окутывали его, и в этом райском блаженстве он мог сохранять абсолютное спокойствие и великодушие.

Он сразу разгадал замысел Линь Цзыханя.

— Хочешь заставить меня вернуться?

Ресницы Линь Цзыханя дрогнули.

Чжун Цин состроил жалобное лицо.

— Приюти меня на три месяца, одногруппник Линь. Я очень полезный. Зимы здесь такие холодные, я могу согреть тебе постель.

Линь Цзыхань кашлянул, словно поперхнувшись.

— Мне не нужно, чтобы кто-то согревал мне постель.

— Тогда какие услуги тебе нужны?

— Готовить, убирать. Умеешь?

— Нет. Но я умею заказывать еду. А что касается уборки... — Чжун Цин окинул взглядом однокомнатную квартиру.

— Что, думаешь, раз квартира маленькая, то и убирать не надо? — тихо рассмеялся Линь Цзыхань. — Вот уж действительно, «почему бы не есть мясные пироги».

— Ты злишься?

Линь Цзыхань покачал головой.

Если бы эти слова сказал кто-то другой, он, возможно, и разозлился бы, но в ясных, чёрно-белых глазах Чжун Цина было лишь искреннее недоумение, вызывающее только сочувствие.

Наверное, это и есть привилегия красоты.

Линь Цзыхань ненавидел любые привилегии.

Чжун Цин сияюще улыбнулся.

— Я могу научиться всему, что ты сказал, если только... ты не боишься, что я взорву твою кухню.

— Чжун Цин, — Линь Цзыхань прикрыл глаза. — Сейчас ещё не поздно вернуться. Извинись перед Чжуан Янем, он тебя простит.

— Не хочу.

Чжун Цин был абсолютно уверен: даже если он вернётся через десять лет и не станет извиняться, Чжуан Янь всё равно его простит.

Линь Цзыхань, казалось, был в полном отчаянии. Он подошёл к Чжун Цину и, согнув пальцы, легонько приподнял его подбородок.

— Тогда не жалею, — холодно произнёс он.

Чжун Цин взял его за руку.

— Точно не нужна услуга по согреванию постели?

Линь Цзыхань отдернул руку, выровнял дыхание и с усмешкой посмотрел на Чжун Цина.

— А ты умеешь?

Чжун Цин промолчал. Он действительно мало что знал о том, как быть активным партнёром.

Но кто не видел, как бегают свиньи, даже если не ел свинину?!

— Умею.

Взгляд Линь Цзыханя тут же потемнел, в нём заиграли странные, незнакомые эмоции.

— Чжун Цин, — его голос стал хриплым, когда он посмотрел в ничего не подозревающие глаза напротив. — Не говори таких вещей мужчине.

Сценарий не предписывал конкретного места для путешествия, так что Чжун Цин мог импровизировать.

Увидев название города на авиабилете, он сразу же придумал, куда они отправятся.

По иронии судьбы, место практики Линь Цзыханя находилось в том же городе, куда Чжуан Янь когда-то возил весь класс на пикник.

Чжун Цин целый месяц готовил для Линь Цзыханя и наконец дождался выходных без сверхурочной работы. В субботу днём он, воспользовавшись случаем, взял Линь Цзыханя за одну руку, а в другую — поводья только что привезённой Малышки Пони, и отправился на знакомое место.

Озеро было спокойным, как кусок нефрита. Растительность вокруг, пережив три сезона, уже не была такой пышной, как прежде, и, казалось, застыла от холода, торча из земли, словно мечи. Маленькая лошадка, похоже, узнала это место, возбуждённо фыркнула и, ничуть не брезгуя пожухлой травой, принялась с аппетитом её жевать.

Она уже заметно подросла и больше не тонула в траве.

— Чжуан Янь говорил, что раньше здесь была большая деревня. Когда построили водохранилище, местных жителей переселили, и только его дед отказался уезжать. Он один жил на берегу до самой смерти.

— ...Он из горцев?

— Совсем не похоже, правда? — улыбнулся Чжун Цин. — Он на самом деле очень этого стесняется, но никогда не говорит. Я не знаю, как его утешить. Цзыхань, если ты когда-нибудь станешь великим архитектором, сможешь спроектировать такое водохранилище, которое бы устроило всех? Чтобы и строительству не мешать, и местным жителям не пришлось покидать свои дома?

— Пустые фантазии.

— Что ж, хорошо, — спокойно улыбнулся Чжун Цин.

Он вдруг начал снимать куртку. Линь Цзыхань, заметив это, схватил его за руку и нахмурился.

— Ты что делаешь?

— Что делаю? — Чжун Цин опустил взгляд на их руки и вдруг всё понял. — Успокойся, ничего непристойного. Малышка Пони же здесь.

Он высвободил руку, снял тяжёлую куртку, затем ботинки, закатал штанины и медленно вошёл в воду.

Согнувшись, он, казалось, что-то искал в воде.

Линь Цзыхань с тревогой смотрел, как он заходит всё дальше.

— Чжун Цин, возвращайся.

— Ничего страшного, мне не холодно.

Чжун Цин махнул рукой и продолжил поиски. Мимо его ног лениво проплыла большая рыба. Когда он попытался её поймать, она вильнула хвостом и быстро уплыла.

Чжун Цин проследил за ней взглядом. Рыбы он не увидел, зато нашёл то, что искал.

— Я нашёл!

Он высоко поднял свою находку и быстро вышел на берег.

Это был осколок фарфора, с которого всё ещё капала вода, отражая холодный свет неба.

Линь Цзыхань замер. Он поспешно достал из рюкзака свою любимую керамическую чашку и сравнил с осколком — узор был точь-в-точь таким же: голова лошади с оленьими рогами.

Чжун Цин тоже наклонился, чтобы посмотреть.

— Удивительно, правда? На дне этого озера можно найти такие красивые осколки.

— Откуда ты узнал...

— Когда Юэ тогда упала в воду, я, спасая её, увидел его на дне. На самом деле, там много таких осколков, все очень красивые, но этот мне особенно запомнился. Когда я впервые увидел твою чашку, я сразу его вспомнил.

Подул ветер, и Чжун Цин вздрогнул от холода.

Линь Цзыхань очнулся и, отложив осколок, принялся надевать на него куртку.

Чжун Цин, наслаждаясь заботой, спросил:

— Такие узоры обычно связаны с определённым народом. Цзыхань, ты тоже из здешних гор?

Рука Линь Цзыханя замерла. Он покачал головой.

— Я из степи, — и, помедлив, добавил: — Я сын пастуха.

— Странно.

Чжун Цин не стал долго раздумывать и, обернувшись, улыбнулся.

— Сын пастуха? Это же так круто! Я бы тоже хотел быть пастухом в степи, построить огромную конюшню и катать там всех своих лошадей.

Линь Цзыхань молча слушал, мысленно повторяя: «пустые фантазии».

Люди, рождённые в достатке, всегда полны таких наивных идей. Они мечтают о звёздах и полевых цветах в степи, не зная, что там их ждут лишь ветра, морозы и волки.

Он не стал озвучивать свои мрачные мысли, а лишь сказал:

— Ты даже на лошади ездить не умеешь.

Чжун Цин улыбнулся и не стал спорить.

Сзади послышался шорох травы. Он подумал, что это Малышка Пони, но, обернувшись, увидел маленькую девочку, ростом не выше лошадки.

Она держала в руках пару маленьких туфельек и протягивала их Чжун Цину.

— У дяденьки нет обуви, Шуньшунь даст дяденьке свои туфельки.

Линь Цзыхань опустил взгляд на ноги Чжун Цина.

Действительно, он всё ещё был босиком. На ступнях остался песок со дна озера, нарушая их шёлковую белизну, а пальцы от холода слегка покраснели.

Он уже собирался что-то сказать, как увидел, что Чжун Цин с улыбкой поднял девочку на руки.

— Спасибо, Шуньшунь, теперь дяденьке не холодно.

Он посадил девочку, одетую лишь в белые носочки, на спину лошади и мягко спросил:

— Шуньшунь, почему ты здесь одна? Давай я отведу тебя домой.

Шуньшунь с радостью заговорила с красивым дядей.

Линь Цзыхань молча шёл за ними.

Он знал, как Чжун Цин дорожит этой маленькой лошадкой.

Это был ахалтекинец, более известный как «небесный конь». Его шерсть была белоснежной, с металлическим блеском, а во время бега, когда кровь прилиwała к коже, она становилась розовой.

Поэтому Чжун Цин и назвал её Малышка Пони.

Он даже беспокоился, что металлическая и кожаная сбруя повредит её кожу, и специально заказал для неё плюшевую.

А теперь на этой драгоценной лошади сидела незнакомая девочка. Она даже не понимала, что Чжун Цин не сможет надеть её маленькие туфельки, а он, чтобы порадовать её и не обидеть отказом, посадил её на лошадь, чтобы она не касалась холодной земли.

Какой же он дурак. Достаточно проявить к нему капельку бесполезной доброты, чтобы получить в ответ совершенно несоразмерную благодарность.

Дом девочки находился в деревне у подножия горы. Родители уехали на заработки, оставив её с бабушкой и дедушкой.

Старики оказались очень гостеприимными и настояли, чтобы Чжун Цин остался на ужин. Еда была простой — картошка, приготовленная на все лады, но всё же это была картошка.

Даже Линь Цзыхань немного устал от однообразия, но Чжун Цин ел с аппетитом.

Он с интересом расспрашивал стариков о местном диалекте. Те давно не видели гостей и, приняв его за родного, с удовольствием учили его произношению.

С наступлением сумерек они попрощались.

На обратном пути Линь Цзыхань молчал. Чжун Цин наконец заметил его странное состояние и с беспокойством спросил, что случилось.

Линь Цзыхань по-прежнему молчал.

У него была утончённая, даже немного женственная внешность. Но после месяца «белой» диеты Чжун Цина он заметно похудел. Черты лица стали более выразительными, та женственность всё ещё присутствовала, но уже не была такой мягкой, а приобрела резкость, свойственную иноземцам.

Линь Цзыхань молчал до самого возвращения домой, до самолёта, два месяца спустя.

Чжун Цин так и не понял, чем он его обидел. Все два месяца Линь Цзыхань был холоден, словно они снова вернулись в тот день, когда только познакомились.

Впрочем, его это не волновало.

Сюжетная линия с путешествием была пройдена, цель достигнута. Оставалось только сделать предложение.

Сойдя с самолёта, Линь Цзыхань, не попрощавшись, исчез в толпе.

Чжун Цин не спешил. Воспользовавшись тем, что его частицы ещё не полностью покинули его тело, он три дня наслаждался жизнью без боли, а затем зашёл в ювелирный магазин и купил кольцо с бриллиантом.

Как раз в этот день у его персонажа был день рождения. Рано утром он отправился в небольшую церковь, чтобы сделать предложение Линь Цзыханю.

Эта церквушка находилась недалеко от конюшни, они с Чжуан Янем бывали здесь раньше.

Никто из них не был верующим, но бабушка Янь, вернувшаяся из-за границы, была христианкой и требовала, чтобы Чжуан Янь каждую неделю посещал церковь.

В этой церкви был всего один священник, и прихожан было мало. Правила были нестрогими, можно было немного присутствовать на службе для галочки, так что это место стало их тайным убежищем.

Сегодня шёл снег, священника не было, и в церкви было пусто.

В этой продуваемой всеми ветрами церквушке Чжун Цин позвонил Линь Цзыханю.

Телефон долго не отвечал. Наконец, раздалось:

— Алло.

— Цзыхань, — Чжун Цин зачитал по сценарию, — мне нужно с тобой поговорить. Ты можешь приехать в церковь Святого Людовика в восточной части города?

В трубке слышались помехи, словно был плохой сигнал.

— Я не могу приехать, Чжун Цин.

<http://bllate.org/book/16114/1590715>